

ЕЛЕНА
ЯМПОЛЬСКАЯ

О культуре и не только

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГІРІДІЄЦІ

Москва 2016

УДК 008(081)
ББК 71я44
Я 572

Елена Ямпольская. О культуре и не только
М.: Издательский дом «Городец», 2016. — 592 с. + 16 с. вкл. ил.

ISBN 978-5-90681-542-2

Елена Ямпольская — главный редактор газеты «Культура».
Член президиума Совета по культуре и искусству при президенте РФ,
Патриаршего совета по культуре, Высшего совета партии «Единая Россия».
Лауреат Золотой Пушкинской медали, памятной медали имени Василия Шукшина,
премий «Чайка», «Искра».
«О культуре и не только» — сборник избранной публицистики последних лет.
По материалам газет «Культура», «Известия».

*Автор выражает глубокую
признательность А.Б. Кричевскому*

ISBN 978-5-90681-542-2

© Елена Ямпольская, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

4	ОТ АВТОРА
7	КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
75	ДОСТОЯНИЕ. ПАМЯТЬ
133	РУССКОЕ И СОВЕТСКОЕ
171	ОБЩЕСТВО
221	ВЫБРАННЫЕ МЕСТА. СТРАНА
277	ЗАПИСКИ НЕОФИТА
305	ЛИДЕР
321	СПРАШИВАЮ
449	ВЫБРАННЫЕ МЕСТА. МИР
485	ПРОФЕССИЯ — КРИТИК
523	ЛИЧНОЕ
535	ОТВЕЧАЮ

ОТ АВТОРА

Пожалуй, ни в какой иной сфере последние не становятся первыми с той же неотвратимостью, как в журналистике. Твой последний, то есть крайний на данный момент, текст предъявляет людям тебя сегодняшнего как на ладони. Слово работает не хуже рентгена.

И вот это слово перед вами. Прочее здесь собранное написано раньше. Зачастую значительно раньше.

Журналист не живет в вечности. Он лишь пытается уловить приметы вечного в сиюминутном. Сиюминутное преобладает. Потому и принято считать, что продукт мы производим скоропортящийся, пригодный к употреблению день-два, максимум — неделю. Газетные публикации под книжной обложкой — чем оправдана такая затея? Имеются ли для этого резоны, кроме авторского тщеславия?

По моему глубокому убеждению, рубеж первого и второго десятилетий XXI века стал в России революционным для гуманитарной сферы — то есть всего, что касается формирования человеческой личности. Многим из тех, чье главное занятие — рассказывать о культуре, пришлось выйти за пределы дежурного набора «спектакль — выставка — концерт». Залогом достойного сохранения в профессии стала способность вести разговор на смыслообразующем уровне, отстаивать собственную позицию — не только эстетическую, но еще (и прежде всего) этическую, нравственную, гражданскую. При необходимости вступая за нее в бой. Бывало, в одиночку — против сплоченных и не самых благородных оппонентов. Взыскательное «Ты за кого?» звучало по многообразным поводам и неизменно требовало внятного ответа.

Скажем прямо, в последние пять — семь лет на журналистскую долю выпало больше борьбы, нежели любви.

Сегодня, осторожно празднуя победу здравых начал в современной российской жизни, мы припоминаем (либо открываем для себя заново), что борьба хороша, когда расчищаешь площадку. Для строительства нужна любовь.

«У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма», — говорит лидер страны. Патриотизм — то есть любовь к своему Отечеству — в человеке надо возвращать. И это всегда было миссией культуры. Так называемый «культурный багаж» каждого из нас — драгоценная коллекция всего, что мы любим. Что позволяет сохранить связь с родной землей, вне зависимости от того, легко или трудно на этой земле живется. И, ощущая себя частью мира, ни при каких обстоятельствах не забывать — кто ты, откуда, где твоя точка опоры...

Чем острее проблемы, масштабнее задачи, стоящие перед обществом, тем большее значение приобретают душевные качества — наши с вами конкретно и народа в целом. Народное единство — если говорить о нем не высоким штилем, а спуститься на земной уровень — это умение ценить свою и чужую жизнь и готовность соотносить личные интересы с интересами близких, соседей, знакомых и незнакомых людей и, наконец, целой страны. Что может сделать отечественная культура ради такого результата? Практически ничего — если под словом «культура» мы понимаем совокупность неких самовыражений. Абсолютно все — если подразумевать под культурой то, что стимулирует работу души. То есть сохраняет и приумножает человеческое в человеке.

Судя по опросам общественного мнения, в области культуры мы завершили 2015-й с тревожными показателями. Среди десятка наиболее продаваемых книг — только две отечественные, причем обе — чистая жвачка. Главный фильм года, по мнению россиян, — седьмой эпизод «Звездных войн». Любимого актера кое-как выбрали четверть процентами голосов — низковат рейтинг, не находите?

А ведь родные сюжеты, культовые герои, образы, которые становятся нарицательными, — обязательная составляющая любви к Отечеству. Здание патриотизма надежнее всего возводится из таких кирпичиков.

Мы помним, что у нас была культура, которая объединяла огромную страну и умела превращать толпу в народ. Когда о рейтингах не слышали, зато нормой считались десятки миллионов кинозрителей и ночные очереди к театральным кассам. Пренебрегать тем опытом — значит разбазаривать чрезвычайно важный ресурс национального строительства.

Однако речь идет не о бесконечной эксплуатации наследия, на которой мы выезжаем уже четверть века. Надо понимать: советский источник иссякает — в силу объективной смены поколений. Что для наших родителей — сама жизнь, а для нас — теплая память детства, двадцатилетним мало о чем говорит. Изменилось само значение слов: подтяжками теперь удерживаются лица, а не брюки, «На зарядку становись!» звучит как голосовая команда для смартфона...

Наивно было бы надеяться, что мы «прокормим» новые поколения шедеврами советского времени. Вообще, любое наследие ценно только тогда, когда становится почвой для новых ростков.

Мы встречаемся с вами, дорогие читатели, на переломном этапе. Период борьбы заканчивается. Начинается время созидания, время любви. И сегодня ответить на вопрос: «Ты за кого?» — для меня очень просто. Я за тех, кому в основном посвящена эта книга. За Пушкина и Шукшина. Барто и Крапивина. Пахмутову и Захарченко.

Я за все, что дает силы жить. «Простую историю» и «Легенду № 17». Степной дух Вёшенской, израненные сосны Михайловского, древние стены Псково-Печерской обители, старинное село Вятское, вызванное из забвения усилиями меценатов и ставшее у нас на глазах новой жемчужиной Золотого кольца...

А еще — и в первую очередь — я за тех, кого назовут мастерами в будущем, кто войдет в хрестоматии спустя десятилетия, но дарить нам радость начнет уже очень скоро.

Если поддержать их сегодня, они ответят стране взаимностью. И любви в нашей жизни станет больше.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

- 9 Дом или виселица?
- 12 Веселее, мы в культуре!
- 14 Сентябрьские иды
- 18 Здравия желаем
- 21 Белая зависть
- 24 Клавдия Шульженко против Кончиты Вурст
- 27 Игра в «балду»
- 31 Видишь ли, Вася... или Как меня не показали по «Рен-ТВ»
- 35 Циники и лирики
- 40 Худсовет для Крыма
- 44 Чего вы хотите, ребята?
- 47 Вызывают? Отвечайте!
- 51 «Тангейзер»: не диагноз, а симптом
- 55 О пользе сытости
- 59 Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко:
«Культура — огромный ресурс
экономического и социального развития»
- 71 Женское дело

Дом или виселица?

28.09.2012

ВСЕ, КОМУ повезло сначала оказаться приглашенными в состав нового президентского Совета по культуре и искусству, а затем еще и найти свое имя в списке выступающих, мечтали, конечно же, высказаться по полной. Однако заготовленные трактаты вошли в противоречие с регламентом. Лично я рада, что многое смогла сказать президенту, но читатель имеет право знать всё. Вот как это было на бумаге:

«Многоуважаемый господин президент, дорогие коллеги! В нашем отношении к культуре есть любопытный парадокс. Поскольку на протяжении многих лет постсоветского периода культура не была избалована особым государственным вниманием и финансировалась по пресловутому «остаточному принципу», в общественном сознании возникла обратная установка: все, что имеет отношение к культуре — или называет себя культурой, — безусловно, хорошо и полезно; пусть распускаются все цветы — в том числе цветы зла; художник имеет право на любое самовыражение, не зафиксированное в Уголовном кодексе, а отчасти — даже и зафиксированное... Культуру и без того обижают, следовательно — она неприкасаема, она прекрасна и бесспорна во всех своих проявлениях.

Однако сейчас, когда плотность обид, наносимых культуре, заметно сократилась, мне кажется, эту позицию стоит пересмотреть.

Понимаю, что для многих такая мысль прозвучит крамольно, но, на мой взгляд, культура — вещь прикладная. Культура — это средство, а не цель. Средство сделать человека лучше, а его жизнь — краше.

Когда я слышу о том, что наша главная задача — повисить доступность культуры, привести ее в каждый дом, в каждое село, построить в малых городах кинотеатры, я думаю: а какие фильмы будут крутить в этих кинотеатрах? «Обитель зла»? Что будет выставляться во вновь построенной галерее — «Духовная брань», вдохновленная небезызвестным «панк-молебном»? Чем украсится провинциальный город за большие бюджетные деньги — безголовыми человечками? Да упаси Боже от такой культуры. Не можем помочь, так не будем хотя бы развращать.

Прежде чем говорить о всеобщей доступности, о технологиях максимального распространения культуры, хорошо бы сначала определиться — ЧТО ИМЕННО мы хотим распространять. Уже есть примеры, когда культурные революции, спущенные сверху, не вызывали в людях ничего, кроме отторжения.

Законом о культуре, даже если таковой вскорости будет принят, подобные вопросы не решаются. Любой закон — это инструмент. Набор инструментов. Что мы собираемся строить при помощи этого набора — дом, виселицу? Надо решить заранее.

Можно завезти в каждую деревню по баяну, но нельзя заставить людей петь. Поют не от наличия баяна, а от душевной потребности. Можно отдать арендатору исторический особняк и сказать «восстанавливай!», но если этот арендатор, этот бизнесмен рос и воспитывался в 90-е, то реставрацией он займется лишь под угрозой серьезного наказания. Других мотиваций у него нет.

Эффективность культурной жизни определяется не только количеством премьер, выставок или наград на международных фестивалях. Но еще (и, может быть, в первую очередь) тем — стало ли в стране меньше брошенных детей. Снижился ли уровень насилия — в семьях, на улицах. Гаснут или, напротив, разгораются межэтнические конфликты.

Почему-то такое целеполагание считается для культуры низменным, мелким, неприличным. А снимать маргинальное кино, после которого людям жить не хочется, — занятие, достойное настоящего творца.

Врач «скорой помощи» приехал и НЕ вымогает деньги у больного старика — значит, все в порядке у нас с культурой. Человеку в голову не придет сесть пьяным за руль — вот это культура. Повысились престиж рабочих профессий — парень хочет пойти в токари, а не в мерчендайзеры... Гектары пахотной земли не гложут под сорняками...

Вы скажете, что часть перечисленного регулируется Уголовным кодексом, а остальное — экономической целесообразностью. А я отвечу, что очень печально, если Уголовный кодекс заменяет обществу совесть и культуру, потому что настоящая культура всегда состоит в родстве с совестью.

Что же касается экономики, никогда для русского человека выгода, барыш не были основополагающими. Если заставить его жить исключительно по экономическим законам, он перестает быть русским, а зачастую — и вообще перестает быть человеком.

Не только экономика определяет атмосферу в стране. Атмосфера тоже способна благотворно влиять — в том числе, и на экономику.

Когда человек знает, кто он, на какой земле живет, к чему стремится его страна и от каких нравственных устоев она ни под чьим давлением не откажется, к какому общему делу он призван, — вот где-то здесь и возникает желание запеть.

При этом совершенно не надо заниматься примитивной лобовой пропагандой. Когда в столице обострилась проблема так называемой «лимиты», появился фильм «Москва слезам не верит». Заодно и «Оскара» получил... Когда квартирный вопрос стал людей портить, возникла комедия «По семейным обстоятельствам». И мы до сих пор смотрим, смеемся, умиляемся и на этих старых фильмах о главном лет десять еще протянем, судя по всему.

Никто не говорит о запретах. Запрет — унылая вещь, а культура требует творческого подхода, креатива, как теперь выражаются. Но очень важно, на мой взгляд, четко расставить нравственные приоритеты и поощрять, прежде всего, те культурные проекты, которые в эту ценностную систему вписываются.

Пока мы стыдливо соглашаемся: да-да, конечно, культура должна быть свободна от всякой идеологии, ее ой как используют в идеологических целях — только во вред стране. Постоянно слышны призывы к компромиссам, но компромисс — это топтание на нулевой точке. Нашим, вашим, шаг вперед, шаг назад. Хватит компромиссов.

Главным проводником культуры — а равно и бескультурия — в современном мире остаются средства массовой информации. Именно от нас, журналистов, во многом зависит формирование той самой АТМОСФЕРЫ в стране. Но журналистам нужна поддержка — общественных организаций, государственных органов. Вот пример: мы на свою газету вынуждены теперь ставить ценз 12+, 16+... и вполне законопослушно это делаем. Однако я включаю телевизор и вижу, как среди бела дня по экрану ползут строчки: «Мужчина познакомится с юношей для серьезных отношений». Никуда не делись реалити-шоу, от мерзоты которых здорового человека выворачивает наизнанку. Получается, все эти возрастные ограничения — просто фиговый листок, чтобы отдельные СМИ могли и дальше зарабатывать на развращении нации?

В наших силах — сформировать мнение в профессиональном сообществе: что новости могут быть не только плохими; что события в стране не исчерпываются криминальной хроникой, а отечественная культура — тремя десятками так называемых медийных лиц. Кто-то должен назвать всё своими именами. В конце концов, это и есть главная задача пишущих людей. Предлагаю начать. Спасибо.»

Веселее, мы в культуре!

27.06.2013

ДЛЯ ЧЕГО вообще нужно государство? На мой взгляд, чтобы создавать человеку все условия быть хорошим.

А поскольку, чтобы стать хорошим, большинство из нас должно пройти определенный путь — совершить неизбежные ошибки, пометаться, посомневаться, следовательно, задача государства — обеспечить каждому гражданину возможность личного совершенствования.

Задача не только богоугодная, но и вполне прагматическая: процент хороших — порядочных, добрых, смелых, трудолюбивых, хоть сколько-нибудь целомудренных — людей в стране является значимым фактором национальной безопасности. Едва ли не основополагающим. Взорвать пресловутый «Дом-2» надо не потому, что мы ханжи, а ради того, чтобы через десять лет Россия еще существовала, чтобы ее не вынесли окончательно в карманах, не прокурили на диванах люди, воспитанные в атмосфере оголтелого цинизма.

Отношения государства и культуры я бы рассматривала в этом ракурсе. Само по себе слово «культура» не кажется мне окрашенным в сугубо позитивные тона. Именно потому, что возглавляю одноименную газету. И с первых дней на посту главреда понимала, что делать издание, посвященное исключительно премьерам, выставкам, концертам, — значит уйти от настоящей культуры, которая узнается по плодам. Плоды эти — чистота лесов и водоемов. Обихоженная земля. Физиологическое — буквально до тошноты — отторжение воровства. Здоровая способность не гоняться за чужими образцами с высунутым от восторга языком. Дети, стесняющиеся матерных слов, утренние улыбки соседей в лифте, собаки на поводках...

Настоящая культура как раз и есть инструмент, чтобы сделать человека лучше. И она всегда состоит в родстве с совестью. А премьеры, выставки, концерты, новые книги и фильмы — не всегда. По нынешним временам — увы, чрезвычайно редко.

После письма деятелей культуры в защиту «пусек» я вообще серьезно задумалась о том, что нашей стране необходим новый культурный призыв. «Медийные лица» способны только шекотать публику в разных местах. Они дискредитировали себя. На культуру тоже следовало бы распространить заповедь Гиппократова: не навреди. Не можешь сделать человека лучше — так не смей же его развращать.

Все это надо учитывать, когда речь заходит про грядущий в 2014-м Год культуры. Пришло время государству задавать стандарты и поощрять образцы. Возникла уникальная возможность назвать черное — черным, а белое — белым на сколь угодно высоком уровне. Как и произошло недавно с фильмом-триумфатором «Легенда № 17». Но не единой «Легендой...» жива страна. Легенд у нас немало.

Год какой культуры мы собираемся проводить? Вот вопрос номер один. Прочее — детали.

Официальный запрет на идеологию привел к тому, что государство десятилетиями стеснялось вмешиваться в культуру. Держало себя с неподобающей стыдливостью. При этом антироссийская пропаганда и агитация ведутся у нас нагло, уверенно, бесперебойно, во многом — средствами культуры и при активном участии деятелей этой самой «культуры». Ну и журналистов, разумеется.

На мой взгляд, параллельно с разработкой стратегии развития национальной культуры необходимо сформировать госзаказ на средства массовой информации, озабоченные не одним лишь получением прибыли. Чем соревноваться в цинизме: «Давайте организуем прокремлевское СМИ, потому что патриотизм нынче в тренде и за него бабки платят!», вспомните о провинциальных изданиях, во многом формирующих атмосферу в стране. Да, они не всегда блещут высоким профессионализмом. Но профессионализм при благоприятных условиях нарабатывается, — это подлость в порядочность переконвертировать нельзя.

Именно СМИ могут осуществить тот самый новый культурный призыв — дав подняться человеку из глубинки. Именно в провинции можно хотя бы попытаться поколебать пошлую и безнадежную «звездную» систему, которую мы, журналисты, сами и насадили.

Если благодаря высокому давлению какой-нибудь губернатор выделит грант местному литжурналу, если хоть одна областная или городская газета, получив финансовую подушку, не начнет в отчаянии «желтеть», Год культуры пройдет не зря. А мы готовы коллег по всей России поддержать. Ибо какой же Год без «Культуры»?

Сентябрьские иды

25.09.2013

ЧЕРЕЗ несколько дней Совет по культуре и искусству при президенте РФ соберется под председательством Владимира Путина. И на виду у телекамер, то есть перед лицом всего народонаселения, озаботится вопросом «культурной политики как главного инструмента укрепления единства России».

Пикантность ситуации... (В ранней постсоветской журналистике этот оборот был в большой чести. Например: «Пикантность ситуации в том, что надои по области снизились».) Так вот, пикантность ситуации заключается еще и в том, что 2014-й, как известно, объявлен Годом культуры. И если 2 октября в Кремле мы не найдем принципиально новых, глаголожущих формулировок, год этот просвистит количеством мероприятий за отчетный период. Узкий круг граждан выбросит в атмосферу тонны слов точно о культуре — в ее профессиональном либо отраслевом понимании. А народ просто ничего не заметит. Год культур-мультиур, говорите? Не знаю, не слышал, мимо, мимо.

Среди 58 членов Совета по культуре с десятков златоустов найдется. Но ведь дело не в том, чтобы сказать красиво и правильно. Сверхзадача — выразиться так, чтобы тебя услышали. Чтобы государственная машина, изумленно заскрипев, развернулась в нашу сторону.

Начинать, на мой взгляд, надо с целеполагания. Любое действие совершается энергичнее и завершается плодотворнее, если мы знаем, ЗАЧЕМ делаем.

Почему государство должно поддерживать культуру? Потому лишь, что высоколбые эксперты трендят: «так надо», «полагается», «прилично»? Или по той причине, что в культурной сфере заняты 798 000 россиян, и без помощи государства многие из них протянут ноги?

Первая мотивация настолько необязательна, что ее и обсуждать не стоит. Вторая — превращает культуру в досадное обременение, чемодан без ручки, а это не только стратегически бесперспективно, но и крайне унижительно по отношению к людям, среди которых, действительно, хватает и умниц, и подвижников.

Так чем же заинтересовать государство? Думаю, очевидной выгодой, заложенной в поддержке культуры.

Не той выгодой, что, мол, из нынешних детишек, поющих в хоре, вырастают завтрашние театральные зрители и посетители музеев. Вот радость... Особенно если в театре сплошь Богомолов с Серебреннико-

вым, тоже мне достойная миссия — растить для них публику... Не на билетопокупателей упование Отечества. «Не мелочись, Наденька!», поднимайте планочку повыше.

Вопрос надо ставить так: государство заинтересовано в дальнейшем существовании страны и народа? Если да — культурный профит rozpoзнается на раз.

Государству выгодно, чтобы граждане знали историю России и гордились ею, потому что боеспособность страны во многом зависит от морального духа военнослужащих.

Государству выгодно, чтобы большинство населения принадлежало к традиционным для России религиозным конфессиям или, по меньшей мере, воспитывалось в уважении к ним. Ибо понятия греха и стыда, — крепкое подспорье в борьбе с коррупцией. А также наилучшая профилактика этой болезни.

Государству выгодно, чтобы абсолютное большинство граждан знало великую русскую и лучшую советскую литературу, поскольку отсюда вырастает трудная, уже не отпускающая любовь к земле. И здесь же гибнет в зародыше «пупизм» — крайняя, звериная, хапужная форма эгоизма.

Государству выгодно, чтобы по всей стране восстанавливалась система домов культуры, потому как на преодоление массового алкоголизма, молодежной наркомании и вымирания села придется бросить бюджет в сотни раз больший.

Государству выгодны фильмы уровня «Легенды № 17», потому что такие ленты превращают толпу в народ. То есть — укрепляют искомое единство.

Государству выгодно, чтобы любой российский ребенок — бесплатно или за вменяемую мзду — мог заниматься творчеством. Содержать музыкальные и художественные школы дешевле, нежели тюрьмы и колонии.

Государству выгодны спортплощадки во дворах и спортивные секции в школах — ибо и в армии, и в милиции (уж позвольте по-старому), и на производстве, и на земле нужны люди здоровые.

Только не говорите, что стадионы — это не культура. Самая что ни на есть — бытовая, повседневная, основополагающая. Так же как информационный фон, в котором существует 99 процентов российского населения. Культура для них — то, что вылезает из «ящика». В меньшей степени — из печатных СМИ. О какой культурной политике можно говорить, пока в стране не появится политика информационная?

Культура — это вам не просто спектакли и выставки. Культура — фактор национальной безопасности, условие дальнейшего присутствия России на карте мира. Без культуры не выравнивается демография, будут падать криворуко свинченные ракеты, уступаться пришлым исконно русские территории... Без той культуры — вот важная оговорка, — которая делает нас лучше. Выстраивает ориентиры, порождает смыслы, работает над человеческим материалом. Бессмысленно и даже опасно затевать любые реформы (раньше их называли «модернизацией») на гнилом материале.

Прочими составляющими безразмерной культурной сферы государство грузить не стоит. «Не может царь думать о каждом, царь должен думать о важном!»

Культура — дело межведомственное. Точнее, надведомственное. Культура — это вопрос ценностей. Она должна внушить, внедрить в мозг новому поколению, что честный труд престижен, а воровать — занятие отстойное. Она может и обязана донести до людей среднего и старшего возраста (их в стране, между прочим, без малого 50 процентов, и это основная масса избирателей): «Граждане, вы верили в правильные вещи. Простите, что двадцать с лишним лет ваши ценности валялись на помойке».

...Те, кому в Кремле удастся взять слово, будут апеллировать к человеку, 19 сентября произнесшему историческую речь на заседании клуба «Валдай». По моим подсчетам, в докладе Путина 9 раз употребляются слова «идеология», «идеологический». Более того, обществу предложен новый термин: «идеология развития». И даже так: «идеология национального развития».

Однокоренные идеологии «идея», «идейно» — 12 раз.

Плюс еще одно понятие, начинающееся с «ид», — «идентичность». Из уст президента прозвучало 16 раз.

Многие из тех, кто доклад слышал или читал, ждут с замиранием: неужели эти сентябрьские иды станут поворотным моментом нашей жизни?

А я вот нахально думаю: нельзя ли приспособить обнадеживающую цифирь — 9, 12, 16 — к ревизии 13-й статьи Конституции РФ? Той самой, которая начинается с запрета идеологии. Если не совсем отменить, так хотя бы отредактировать. Ведь редакция — это бог смыслов.

«Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» — попытались внушить нам двадцать лет назад (юбилей ельцинской Конституции грядет в декабре). С тем же

успехом можно заявить: «Никакое яблоко не может быть спелым или синим». Синие яблоки — действительно, плод неаппетитных фантазий. Но от спелых-то почему надо добровольно отказываться?

Обязательная идеология внедряется при помощи кнута. Государственная вполне способна удержаться путем дифференцированной раздачи пряников. Тебе — три, тебе — один, а ты вообще пойдешь пошуйкай сладости по карманам частных инвесторов. Поскольку от твоего творческого самовыражения государству никакой выгоды. Не станет твой фильм, роман, перформанс «инструментом укрепления единства России».

Понятно, что прежде чем менять несчастливую статью, надо договориться по набору идей, претендующих на государственный статус. Путин не сказал, какая именно идеология нам нужна. Зато уточнил, какая, по его мнению, не годится. Бывшая, советская. Еще более бывшая, дореволюционная. Наконец, ультралиберальная — то есть, прямо скажем, антисоветская и антироссийская. Трудно не согласиться: нельзя жить чистой ностальгией и уж точно нельзя — сплошной ненавистью.

Ок, от такого противного есть куда плясать.

Хочется верить, что «не советская, не монархическая» означает гораздо больше, нежели «ни вашим, ни нашим». Речь идет о неделимости истории — столь же священной, как нерушимость границ. В конце концов, и в старой, и в советской России человеческие представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, принципиально не различались.

Кстати, на Валдае Путин фактически объявил о завершении постсоветской эпохи. Действительно, очень скучно жить «после». После науки, после промышленности, после сельского хозяйства, после хороших фильмов и душевных песен... Гораздо интереснее — в подготовке и предвкушении.

Если уж мы открываем новую эпоху, давайте критическим взглядом взглянем на 13-ю статью, а?

Пикантность, я бы даже сказала — интимная потаенность — данной статьи заключается в том, что ни года, ни дня, ни часа за минувшие двадцать лет мы не жили без идеологии. Объявлять ее государственной и обязательной не требовалось — она и без того проникла в каждую щель, не миновала ни старого, ни малого. «Как жаль, — посетовал на днях на заседании Совета по культуре один из приглашенных экспертов, — что современная молодежь практически не реагирует на цитаты, которыми аюкались мы. Скажешь: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря...», а отклика нет».

Жаль, конечно, жаль. Но вот что интересно — ни от кого из благополучных, «рукопожатных» экспертов вы не услышите: «Как жаль, что наши дети не читают Шмелева. Все осталось, словно при советской власти. Имя Горкина для них по-прежнему звук пустой...» Такие «пичальки» в экспертной среде не приняты. Это ли не результат промывки мозгов за период с 1993 года?

Установка: «Купи в кредит новый телевизор, пока мы ворует по-крупному» — выдохлась, ее не могло хватить надолго. Тезис: «Все традиционно русское — трэш» — вызывает активную неприязнь общества. Неприязнь, которая будет изливаться в более и более радикальных формах. Давно известно: в стране, где нет идеологии, побеждает национал-шовинизм.

Вера, совесть, социальная справедливость. Поощрение творчества, престиж труда, настоящих знаний и высокого профессионализма. Навык думать не только о себе, любовь к детям и старикам, к земле и родному слову. Готовность дать отпор всему, что для России вредно, для личности — разлагающе. Уважение к силе, за которой — правда. Чем не камни в фундамент идеологии национального развития?

Пусть культура займется закладкой этого фундамента. Та культура, о которой единственно и стоит говорить на государственном уровне.

Здравия желаем

22.01.2014

ГОД КУЛЬТУРЫ, который, будучи всего лишь объявленным, немедленно стал предметом лобовых столкновений — от дискуссий до потасовок включительно, наконец начался. Более того, один месяц из двенадцати, считай, позади. И прошел он — январь — пугающе тихо. Гладко. Благопристойно. Про вышеупомянутый год уже не спорят. Из-за него не ссорятся. О старте его отчитываются спокойными информашками: состоялся концерт, организована выставка, план мероприятий утвержден, губернатор на открытии подчеркнул...

Год культуры — то, что вы и думали. Год культуры — то, чего мы боялись. Культура отдельно, реальная жизнь отдельно. Для продвинутых (и притом везучих) — сольник Мацуева. Для абсолютного большинства — «Елки 3», тошнотворный басковско-киркоровский угар новогоднего ТВ, и в противофазе веселью — информационный поток: петарда в руках пятилетней девочки, граната, брошенная пьяным водителем

в сотрудников ДПС... Плюс — простые русские слова, которые произнес по всем этим поводам простой русский народ.

Лично у меня в Год культуры есть одно упование. Связано оно с перечнем президентских поручений по итогам заседания Совета по культуре. Точнее, с пунктом первым этого перечня: «Администрации Президента Российской Федерации совместно с Советом при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству обеспечить разработку проекта Основ государственной культурной политики. Срок — 1 апреля 2014 года. Ответственный: Иванов С.Б.»

Тут сразу три знаковых слова. Политика — то есть сознательная, продуманная, выстроенная программа действий. Государственная — значит, культура возвращается в оборот стратегически важных факторов, может быть, даже факторов национальной безопасности. Ну и, конечно, Иванов — слишком значимая фигура, чтобы забивать ему голову расписанием выставок-концертов. И даже зарплатами библиотекарей либо протекающими крышами музыкальных школ.

Три обнадеживающих маркера сигнализируют: культура перестает быть синонимом искусства. Более того: а вдруг (первое апреля — никому не верю, но пометать-то можно) в грядущих Основах — в преамбуле, скажем — найдется место целям и смыслам? Ведь пригодных для смыслообразования и целеполагания документов у современной России мало. Буквально негде зафиксировать, ради чего мы живем — не каждый в отдельности, но все вместе. Так давайте пропишем это в Основах культурной политики, а? Можно без пафосных слов про имперские амбиции либо возрождение могучей державы. Например, так: главной целью государства российского является здоровье его граждан. Физическое и психическое. На это в ближайшие годы будут брошены основные силы и средства.

Здоровье, понятно, определяется не оборотом больничных койкомест, а увеличением продолжительности жизни, повышением рождаемости, динамикой снижения ССЗ, просветлением криминального фона — как без этого? Будь здоров сам, заботься о здоровье близких и пойми, что самочувствие соседа, а равно соседских детей касается тебя напрямую. Ибо, если будет нас много — крепких, сильных, долго живущих, то и возрождение Отечества не за горами.

Не причины зла, не навреди, не вгоняй в стресс. Мы не конкуренты в борьбе за выживание, мы — члены единой команды под названием «Россия». Не садись пьяным за руль, не торгуй поддельными лекарствами, не бросай человека без помощи, не загрязняй землю, воздух

и воду. Торгуешь, бросаешь, свинячишь? Пеняй на себя. Ты на целую страну наплевал. Ты коллективному будущему враг. И нет у тебя отныне в этой самой стране никаких перспектив.

В такую сетку координат культура вписывается самым естественным образом. Что, если не культура, отвечает за благоприятный эмоциональный фон — принципиальнейшее условие психического здоровья нации? Кому как не культуре заниматься единением общества, воспитанием личности, поисками героя? Песни, от которых легче на душе, фильмы, после которых жить хочется, — когда это бывало с нами в последний раз, не напомним? Случайно, что ли, президент наигрывает а целый зал физиков подтягивает «Московских окон негасимый свет», творение Хренникова и Матусовского 1956 года выпуска?..

Где сегодня массовая — в лучшем смысле слова — культура, равно удовлетворявшая и дворника, и академика? Нет ее. Редкие проблески живого, человеческого таланта глосуют между крайностями. С одной стороны — тотальная обдирательно-отупляющая жвачка, с другой — культура нишевая, тусовочная, незначительная по востребованности и охвату, однако весьма громогласная. Искусство кукиша в кармане. «Фи» государству — за государственный же счет.

Цель культуры должна находиться за пределами культуры. Пусть государство четко объявит эту цель. И тогда многие ныне зудящие вопросы снимутся сами собой.

Мы перестанем биться головой об отечественное ТВ, не в силах совладать с «особенностями экономики данной отрасли». Поскольку экономика отдельно взятой индустрии не может противоречить интересам страны в целом.

Мы прекратим тревожно перешептываться: а как воспримут Основы культурной политики сами деятели культуры, не вспыхнут ли бунты?.. У государства нет никаких специальных обязательств перед культурной сферой. У него есть ответственность за благополучие граждан, воспроизводство населения и сохранение России на геополитической карте мира. Ответственность эту делит с государством любой гражданин. Если ты социализирован, значит, встроен в систему общих ценностей. Встроены в нее и деятели культуры — прежде всего, претендующие на бюджетное финансирование. Надо выполнить заказ на героя, образец для подражания — вперед. Примени талант, мастерство, владение новаторскими технологиями. Как ученые (в большинстве своем опять-таки тонкие, ранимые индивидуалисты) берутся за оборонзаказ. Есть такие профессии — Родине помогать.

Культура неотделима от образования, медицины, экологии, спорта, управления. Красота нынешней новогодней Москвы — торжество культуры. Высыпанный кучами реагент на тротуарах — полное отсутствие оной. Фанатичная борьба с курением в спивающейся стране — имитация культуры. Причем опасная имитация: человеку с гангреной руки маникюр не делают. И не надо говорить, что тут как раз и проявляется высшая забота о частном здоровье. Табак — на мой вкус, вещь отвратительная, но все же менее вредная, чем хаос, фальшь и отсутствие логики. На махорке страну спасли и восстановили. Притворством никого не победишь и ничего не построишь.

Так или иначе, 2014-й, культурный, — не время для показного благолепия. Заполним его страстными поисками смыслов. Чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитый год.

Белая зависть

13.02.2014

В ОБЫЧНОЕ время культура и спорт, спорт и культура — это всего лишь две конкурирующие позиции в новостях. Непосредственно перед финальным «и о погоде». Однако у нас на дворе время не обычное. С одной стороны — объявленный и, хоть вяло, но стартовавший в России Год культуры. С другой — старты гораздо более зажигательные, олимпийские.

Скрывать не буду — зависть берет. Нет в культуре праздников, подобных Олимпиаде. Не существует культурных событий, о которых бы волновалась по-доброму вся страна (ну и злопыхательно вибрировал десяток отщепенцев). Отщепенцы, кстати, произрастают преимущественно на культурной делянке, от чего досадно вдвойне... Когда в последний раз представителям культуры заглядывали в рот, ловя каждое слово? А вот у Дмитрия Губерниева уже деспотически оттопырилась нижняя губа — он похож на знатного патриция, вещающего перед гражданами Рима. Потому что уверен: его слушают. С утра до ночи.

За четыре дня до открытия Олимпиады Владимир Путин провел во Пскове совещание по развитию отечественного театра. Тогда же главе государства показали Псковский драматический — тот, что имени Пушкина. Вернее, здание после реконструкции. К первой премьере на обновленной сцене — «Графу Нулину» — внимание высокого гостя привлекать не стали и правильно сделали. Довольно общедоступного

тизера в Сети, где врасос целующиеся старшеклассницы стягивают друг с друга школьные фартучки. И это вам не вынужденно-толерантное «Нас не догонят», но искренний порыв режиссерской души.

Не знаю, можно ли ставить перед российским театром какие-то особые задачи. На мой взгляд, их надо ставить перед культурой вообще. Странно, когда окна, двери и крыша проектируются в автономном режиме — что за дом получится, как в нем жить? Кинематограф, театр, музейное дело требуют индивидуального инструментария, но цели их различаться не должны. Более того — именно нынешнее состояние сценического искусства свидетельствует о вреде самостийности. Перестав — в силу объективной конкуренции — быть «храмом», «кафедрой», «властителем дум», театр, будто асоциальный тип, пустился во все тяжкие. Расти и меняться вместе с обществом он не хочет. Застрял в прыщавом ерническом пубертате. «Пошлость — это когда всерьез», — заявляет скандально известный режиссер Богомолов. Вообразите такую фразу в устах Волосожар и Транькова, Вилухиной, Мишина, Мозер, Билялетдинова... Ладно фразу — им не до болтовни, попробуйте применить на них подобное отношение к делу.

Театр высоких достижений закончился. Остался столичный между собойчик, заразой расплозавшийся по русской провинции. Спортсмены говорят: «Мы знаем, как болеет наш русский зритель, спасибо ему!» Режиссеры: «Я хочу раскрепостить этот зажатый город». Кто вкалывает серьезно, тот нуждается в поддержке и любви. Кого от серьезы тошнит червяками, тому хватит и заезжих критиков. Прибудут три человека на два дня, одобряют: «Молодец, старик, не скурвился, так ее — провинцию!» Чем не смысл существования?

За последние годы театр слишком увлекся материальной базой, забыв о том, что имеет дело с душой, а не с кирпичами. Свет, звук, склады, цеха, мастерские... Оркестровая яма опускается, поднимается... Вложения миллиардные. А зритель-то будет ходить? Ведь театр — это больше, чем стены. Как семья — не просто общая жилплощадь.

Материальная красота Сочи сразу начала наполняться человеческой красотой. Красотой телесного и морального подвига. Отсюда и возникает белая, как горнолыжные склоны, зависть. Спорт принял на себя миссию, которую, вообще-то, должна нести культура. Он делает нас лучше. Причем без усилий с нашей стороны — достаточно залечь на диван перед телевизором.

В культуре (не только в российской) давно принято абсолютизировать творцов — вместо того, чтобы абсолютизировать творение. Книги,

музыка, фильмы отстают. Выпячиваются слабости, грехи, пороки. Мы слишком много знаем: кто гей, кто алкоголик, кто «болотный» активист. Кого вчера сняли с рейса, почему эта пара развелась, в какой пробирке зачинали наследника... О личных обстоятельствах спортсменов публике известен самый минимум. Нас интересуют их результаты. Более того, лишние — действительно лишние — сведения, как в случае с Плющенко, нивелируются, стираются из памяти, когда «патриарх Женя» порхает по льду огоньком свечи — чуть уставшим, но по-прежнему негасимым...

Про звезду спорта нельзя спросить: а кто это, собственно? Что он такого сделал? Зачем вам, балбесам, его автограф?! В спорте сначала входят медали, титулы, звания, голы, очки, секунды, и следом — человек. В нынешнем искусстве сначала въезжает товарный вагон фанатерии, за ним — цистерна желчи, дальше — платформа, груженная интригами и склоками, а сзади громыхает жестянка сомнительных достижений: песенки под фанерочку, чернушное кинцо, стебные стишата...

В спорте нельзя продавать пустоту сколько-нибудь долго. Нельзя сказать: «У меня свой взгляд на фигурное катание! В моих «фонариках» и «змейках» больше смысла, чем в четверном тулупе Плющенко. Я так вижу!».

По благу стать Липницкой — исключено. Прибегнуть к протекции, чтобы выставиться на соревнованиях по слоупстайлу и приземлиться у подножия трамплина в качестве мешка с костями? Нет желающих. Согласитесь, даже интриги в большом спорте, как правило, — высокого полета. Борьба хорошего с лучшим.

Тлетворный дух равноправия, фамильярного панибратства между теми, кто на экране, и теми, кто на диване, спорту не грозит. Спорт — а не культура — отвечает теперь за чудо, за разинутые рты: «Как они это делают? Я бы так не смог!» Пузанок чуть за сорок невольно сравнивает себя с Шипулиным и Демченко. Пятнадцатилетний гаджетоман, тренирующий разве что мелкую моторику, видит, как поднимается президент страны, приветствуя его ровесницу. Вот вам и воспитательный эффект, которого бесплодно ожидают от культуры.

Ну и, в конце концов, спорт — это мир, где мужчины остаются мужчинами, тогда как искусство — рассадник всевозможных инверсий. Зависть, зависть, снежная зависть!..

Я вот думаю: хорошо, что на сей раз Бог послал нам именно зимнюю Олимпиаду. Зима — время, когда Россия вспоминает о том, что она — Россия. Нам маловато испытывать только самих себя, надо противостоять

еще и природным условиям: лед, снег, холод... Русские — исторически народ двойного преодоления. Зимние виды спорта в деле сохранения национальной идентичности трудно переоценить. Ради этого можно пойти на компромисс с МОКом, урезав в сценарии открытия период Великой Отечественной войны. Патриотизм россиян нуждается в свежей подпитке. А с отношением к священной войне у нас и так глобально порядок. Вон как «Дождо» за опрос — не стоило ли сдать Ленинград немцам во избежание блокады, — напододали всем миром. До сих пор кувыркается.

И еще одно. Репортажи из Сочи — это бесконечная галерея счастливых лиц. Сияющих от уха до уха, залитых светлыми слезами... Так могут радоваться только люди, исполняющие свое дело честно, на пределе возможностей. Одно лицо, которое мы привыкли видеть сосредоточенным, в Сочи тоже светилось от счастья. Пусть оно будет таким и на церемонии закрытия. Дай Бог, чтобы ничто не испортило праздник — заслуженный страной, заслуженный Путиным. А культура... Культура подтянется. После такой Олимпиады придется.

Клавдия Шульженко против Кончиты Вурст

13.05.2014

ЕСТЬ ЛИ на свете зверь страшнее бородатой женщины? Вот вопрос, активно обсуждаемый российскими журналистами, депутатами и представителями шоу-бизнеса. Так называемые звезды, чья сексориентация неведома только дальневосточным леопардам, пиарятся, проклиная Кончиту Вурст. Музыкальные критики выражают ей «фи» протяжным фальцетом. Серьезные люди обеспокоены, не развратит ли пример Томаса-Кончиты нашу молодежь — вдруг желание сочетать юбку с бородой передается, как ветрянка?..

За последние годы большинство из нас обучилось бойко тарыхтеть про новые вызовы, однако не способно разглядеть упомянутый вызов, даже если его подадут нам на вертеле. Начиная с 18 марта, время на территории России летит в темпе сюиты Георгия Свиридова. Бессмысленно плестись за ним с идейным багажом трехмесячной, а то и прошлогодней свежести. Завывания про «пятую колонну» и шарахания от гей-пропаганды выглядят сегодня, как сапоги на меху, забытые в прихожей и случайно обнаруженные на пике летнего зноя. «Пятая колонна» уже признала себя пятым колесом; тот, кто мнил других от-

стоим, оказалось — сам отстой; либералы добровольно зафиксировали кончину либерализма — даже не пришлось вызывать санитаров из консервативно-патриотического лагеря. Ряд представителей новомодного «креативного класса» и старой творческой интеллигенции публично покончили с собой — подписав определенные воззвания или поучаствовав в некоторых шествиях. Списки самоубийц известны, общественное мнение на их счет сформировалось, так предоставьте мертвым хоронить своих мертвецов и не нагнетайте вымышленный саспенс там, где он основательно подослаб.

То же самое можно сказать про геев. Защитили детей законом — и слава Богу. Много чести — каждый отдельно взятый экземпляр гонять народной дубиной.

Тем более, что есть в жизни вещи, не менее опасные, чем эпатаж. Это фальшь и дурновкусие. И то, и другое было проявлено в полной мере во время рекламной кампании «Евровидения» на канале «Россия». Побывав на заключительном — предфинальном — «Прямом эфире» с Борисом Корчевниковым, могу констатировать: за кулисами отечественного ТВ культивируется особая порода людей. Профессиональные махатели флагами, узкие специалисты по держанию растяжек, безбашенные горлопаны «Россия, вперед!»... Энтузиазм в студии взбивался с такой пеной, настолько через край, будто бы вернулась в родную гавань Аляска... Публика охрипла, выкрикивая лозунги, гости истерили и били себя в грудь (часть приглашенных стыдливо опускала глаза, когда остальные метили плевками в Кончиту Вурст). Псевдопатриотический угар струился в жаре софитов, вызывая нормальный угарный эффект — то есть дурноту.

Говорят, так было и в минувшие годы. Но, видимо, тогда это не бросалось в глаза. Вообще на фоне отсутствия реальных побед всякое искусственное вживание патриотических чипов воспринимается равнодушно. Но сегодня ситуация принципиально иная! Олимпиада и Крым (по степени значимости, конечно, Крым и Олимпиада) подарили людям веру: слова переходят в дело. Мы можем. Нас много, и мы — одно целое. Появились реальные современные герои — наконец-то! Появились поводы плакать от гордости. Махать флагами — без указки редакторов. Ликовать до хрипоты — по собственному желанию. Народ вспомнил вкус настоящего патриотизма, и кормить его синтетикой, взошедшей на гидропонике, теперь попросту оскорбительно.

Истинное чувство отличается от поддельного градацией, амплитудой, нюансами. Нельзя прославлять никому (кроме рекламодателей)

не нужное «Евровидение» на уровне крымского воссоединения. Не надо захлебываться «Россиейвперед» по никчемным поводам. Парад Победы в Москве, в Севастополе — да. Финалы-полуфиналы «Евровидения» — нет. Помните, как опростоволосился пацан, кричавший за бавы ради: «Волки, волки!»?

Бестактно это истушенное веселье, когда рядом — практически у соседа за стеной — стреляют, режут, жгут людей живьем. О чем тот же канал «Россия» рассказывает, не пряча боли, каждый день.

Опасно давить публике кулаком на диафрагму, пытаясь выжать еще немного восторга. В какой-то момент драгоценная вера — которой так давно не было, на которой можно страну поднимать, развивать, украшать — вновь исчезнет. Народ не дурак, туфту раскусывает на раз.

Хуже отсутствия патриотизма — только псевдопатриотические шабашки на пустом месте. Это и есть новый вызов. Не «пятая колонна», не бородастые женщины — нам угрожает фальшь, когда-то разьевавшая изнутри Советский Союз. Но СССР все-таки скатывался от искренности к притворству несколько десятилетий. А нынче что — в бездну на рекордной скорости?

Господи, сколько языков сломано о песенный конкурс, никогда не имевший влияния и не претендующий обзавестись таковым в перспективе... А про главное — ни полслова. Пытаясь собрать страну в кулак (в бархатной, впрочем, перчатке), прикидывая, где требуется срочно наверстывать, какие дыры зияют в промышленности, технологиях, обеспечении продовольствием, мы натолкнулись на чудовищный дефицит в культурной сфере.

Не хватает фильмов — таких, чтобы ходили миллионы, смотрели с открытыми ртами, роняя недожеванный попкорн, а потом обсудили — на кухнях, на работе, в соцсетях.

Давний, хронический недород шуток, которые повторяла бы вся страна — не затыкая уши детям и не поражаясь тупости ржущего зрительного зала.

Острая нехватка песен — душевных, добрых, мощных, целебных. От которых жить хочется. Ведь не имеет ни малейшего значения, что мы поем по-английски. Единственно важно — что мы будем петь на родном языке. Правда, по мнению выдающегося композитора и продюсера земли русской Филиппа Киркорова, English — «это единственная возможность общаться на международном уровне». Но господин Киркоров отстал от жизни лет эдак на двадцать. На международном уровне главное — невербальные аргументы.

Не имеет никакого значения, что мы исполняем на «Евровидении» или на каком-нибудь там «Баксослышании». Важно — что будут петь сестры Толмачевы, а также их сверстники и сверстницы у себя дома. За последнюю четверть века в России не родилось практически ни одной песни, которая бы ушла в народ. Нам не с чем встретить 1 Мая, кроме как «Утро красит нежным светом...». Шедевр братьев Покрысов и Лебедева-Кумача — на все времена, но нельзя же до бесконечности подъедаться на советском наследии. Наши песни носим в сердце с колыбели — вопросов нет, однако хорошо бы положить в колыбель грядущим поколениям и пару свежих аккордов.

России необходимо собственное песенное состязание. Только проводится оно должно с умом. Не ради шоу — ради результата. Первый всесоюзный конкурс артистов эстрады в 1939 году затевался не для того, чтобы пиарить сидящего в жюри Утесова, а (как выяснилось) чтобы вывести на большую сцену Клавдию Шульженко. Конкурс нужен сразу и авторский, и исполнительский — так могут сложиться долгоиграющие творческие союзы: композитор, поэт, певец. Как говорил тот же Утесов, оценивая молодых артистов: этот — на год, этот — на три, а этот — навсегда. Займемся теми, у кого потенциал «навсегда», хватит однодневок.

А пока скажем честно: что мы можем противопоставить Кончиге Вурст? Блестящий вокал, драматический талант, яркий темперамент, запоминающиеся хиты? Ах, только традиционную ориентацию?

Маловато.

Игра в «балду»

04.06.2014

ГРАЖДАНЕ, изолируйте детей, мы снова будем говорить о прекрасном. Хотите ли вы в кои-то веки собраться в театр, притулить бременное тело согласно купленному билету и услышать со сцены следующий текст:

Бомж. Это наше место, валите нах отсюда!

Продавщица. Так, а ну иди нахер гнидадер, иначе я тя ща падла урою тут сама.

Бомж. Рот закрой сука...

И так далее, и тому подобное. (Пунктуация авторская. Видимо, для подонков общества запятые — непозволительная роскошь.)

Хотите? Нет? И не услышите. На заседании нового экспертного совета по драматургии (сформированного Минкультом после скандала с советом предыдущим) от выше цитируемого произведения удалось отбиться. Не сразу, правда. С криками и посулами публичных разоблачений. Однако по итогам полмиллиона бюджетных рублей сохранены в государственном кармане — для дальнейших культурных растрат.

Каждый член нового совета одолел 38 присланных на конкурс пьес. Одобрение получили 16. Из них с десятков — вне зависимости от жанра и художественного уровня — не вызывают возражений у психически здоровых людей. На пути прочего можно было ложиться, как Ельцин в своих фантазиях ложился на рельсы, — толку ноль. Общее голосование плюс умелое лоббирование дезавуировали отдельно взятый частный протест.

Итак, любители искусства, будьте бдительны. Театр — по-прежнему сфера повышенной опасности. Например, государство выделило 400 000 рублей, чтобы на ваших глазах медработники избивали пациентов:

Сестра: Что ж ты творишь, зараза такая (бьет его по плечу, по голове ладонью, он съезживается). Я тут не буду, б..., с тобой с одним нянчиться (опять ударяет. Он весь вжимается). Давай теперь правую, ну, быстро. Руку давай (он протягивает руку)...

А вот гораздо более милая, обворожительная, исполненная своеобразной глубины цитата:

«Попроси его, чтобы он поскорей засунул свой внутренний буддийский член дхармы в твою внутреннюю буддийскую попку и разогнал этим своим внутренним членом тьму твоего неведения, в твоей внутренней заднице, избавляя тебя от твоего внутреннего эгоизма и внутреннего дерьма и фальши, которыми ты насквозь пропитался купаясь в этой своей кокаиново-буддийской пустоте». Ну красота ведь! И опять 400 000.

Также среди драматургических произведений, получивших зеленый свет, — средней руки песочка с действием, разворачивающимся в вымышленной — но очевидно прибалтийской — стране. Ленивая любовно-мистическая история без какой бы то ни было необходимости перебивается репликами: «Эти тарелки куплены еще во времена, когда Лю-Блэ было под русской оккупацией», «Мы русский учили под дулом Калашникова»...

Что тут скажешь? Смело. И, в общем-то, недорого — 300 000 русских рублей. «Золотая маска», где премию критики надысь отдали режиссеру Богомолу, дороже обходится.

Попытки оправданий, что, мол, критикой управлять нельзя, порождены недобросовестным лукавством либо просто некомпетентностью. Театроведы — люди здравомыслящие, чтобы не сказать — прагматичные. Сотрудничество с «Маской» считается в этой среде выгодным со всех точек зрения, им дорожат и поперек батьки лезть не станут. Другое дело, не нашлось батьки, который в ответ на шkodную идею наградить Богомолу сказал бы мягко: «Ребятки, не шалите. У нас национальная премия. То есть, присуждая ее, следует по возможности исходить из общенациональных приоритетов — как бы вы к ним ни относились. Человек, уродующий русскую классику и оскорбляющий православную церковь, имеет право получить частную, камерную, тусовочную награду. Но национальную премию — побойтесь Бога».

Ничего подобного явно не прозвучало, и «Маска» — в силу госсубсидий золотая — поощрила Богомолу дуть до горы.

Поймите, я не только о деньгах сейчас. За государство обидно. Дурковато оно выглядит, подставляя то вторую щеку для оплеухи, то иные части тела — для пинков. Все это напоминает детскую забаву с крайне уместным названием «балда». Огрели (тягнули, жажнули, саданули) сзади — ой, а кто же это?! А это — наши постоянные игроки. В частности, кинорежиссер Андрей Звягинцев. Автор картины «Левиафан», краткий меседж которой критики формулируют так: «Честный человек бессилён и бесправен в борьбе с сегодняшней коррумпированной властью, которую вдобавок крышует церковь». Или вот еще: «Левиафан — это российская власть. Вся ее треклятая вертикаль, осиновым колом пронзающая любого, кто посмеет стать на пути или хотя бы испортить ей настроение... Такого откровенного и яростного обвинения церкви во всех беззакониях, творящихся в нашей стране, до сих пор не позволял себе никто. Точнее, почти никто, кроме нескольких девушек в балаклавах, получивших за это двущечку. Их акция цитируется в «Левиафане» дважды...»

Как там в проекте «Основ государственной культурной политики» сказано? «Знание своей культуры и участие в культурной деятельности закладывает в человеке базовые нравственные ориентиры: уважение к истории и традициям, духовным основам наших народов...» Ага. Ну-ну. Не, коллеги, с такой деликатностью (или таким пофигизмом?) мы слона в хорошие руки не отдадим. Подохнет слоник.

«Когда мы заканчивали сценарий, это (суд над «Pussy Riot») было главное событие, — ностальгически припоминает Звягинцев. — Я попросил

актрису, которая играет судью, чтобы она посмотрела, как зачитывают приговор «Pussy Riot»... Этот темп бешеный, а потом вопрос: «Вам все понятно?» Как там можно хоть что-то понять?! Это же мантра какая-то, которая тебя законопачивает, заколачивает крышку гроба. Двухежка, трешечка — сколько надо, столько и отмерит».

Сколько надо, столько и отмерит — это явно про щедрость государства российского. Про его готовность лезть в задний карман за бумажником, не требуя в ответ хотя бы соблюдения приличий. Ладно «спасибо» — о таких нежностях речи нет, но хоть в лицо не плюйте.

«Почему лауреата Канн на родине ждет цензура?» — драматически вопрошает Марианна Максимовская (закон о запрете ненормативной лексики сулит «Левиафану» проблемы с прокатом).

Ну, наверное, потому что у лауреата Канна (все-таки Канна) эта самая Родина наличествует. И есть у нее определенные законы — что в принципе свойственно родинам. Не хочешь иметь с этими законами ничего общего — отучись говорить Родине «дай».

«Коллективный Путин — это наша проекция, некий вымысел. Мы созданы из этого материала... Но надо стоять, держаться, даже когда положение кажется отчаянным... Хотя, что я призываю, кого, к чему... Устоять бы самому», — продолжают цитировать Звягинцева «Ведомости».

Высказался лауреат Канна — и поехал. Куда именно? А куда ездят в нынешней России борцы с режимом? В места не столь отдаленные. Точнее, в Сочи — возглавлять жюри «Кинотавра». Ибо «треклятое, беззаконное, коррумпированное» государство своевременно поддержало сочинский кинофорум рублем. Но кто считает? Мы же не о деньгах — мы о прекрасном.

Видишь ли, Вася...

или Как меня не показали по «Рен-ТВ» 24.06.2014

Вот вы говорите — цензура. Ну, не говорите — думаете. А если не думаете и при этом принадлежите к креативному классу, значит безнадежно отстали от тренда. Он (класс), выбирая из многочисленных причин для печали и гнева, остановился на самой оригинальной. И уже третью неделю оплакивает пару спектаклей, показ которых на столичном фестивале был отменен. Отменен, заметьте, добровольно, организаторами фестиваля — после рекомендательного письма Минкульта. Никого не пытали, не насиловали, иголки под ногти не загоняли. Однако и лапша хороша, если надо проораться: караул, цензура!

Сейчас я расскажу вам, что такое истинная цензура и кто ею промышляет. Итак, история, леденящая кровь.

Звонок на мобильный.

— Это телеканал «Рен-ТВ», программа «Неделя» с Марианной Максимовской. Хотим взять у Вас интервью по поводу пьес, попавших в черный список газеты «Культура» и потому запрещенных к показу.

— Не вижу связи между нашей публикацией и отменой мероприятия.

— Вот и объясните это корреспонденту.

— Хорошо. Кто приедет?

— Рома Супер...

Журналист, носящий фамилию (или псевдоним?) Супер, запомнился мне по сюжету о фильме Андрея Звягинцева «Левиафан». За кадром тогда прозвучал следующий текст: «Что ждет героев картины? Ад. Причем не тот ад, который наверху...»

Помню, изумилась: надо же, человек видит ад наверху. Любопытная точка зрения. Все перевернуто с ног на голову.

— Ну, супер, — говорю. — Присылайте.

В назначенный день и час в кабинете материализовались трое юношей. Скромно завозились, передвигая мебель, выставляя свет, зашторивая окна. Чуть что: извините, будьте любезны. Надо же, думаю. Просто супер.

Самый молодой и симпатичный из трех занял позицию тет-а-тет.

— Можно начинать?

— Пожалуйста.